

ИЗ ПЛЕЯДЫ ВЕТЕРАНОВ

СЕЙЧАС модно спорить, кто главный в театре — режиссер или актер. И хотя нет-нет да и раздаются трезвые голоса — «оба главные», спор возобновляется с новой силой... Я тоже из тех, кто придерживается «золотой середины». И, почитая режиссера душой театра, думаю: душа эта не бестелесна, и ее живое вместилище — актер; без него она была бы просто мистическим понятием. Мне кажется: кто принимает роль актера, тот забывает о «святой святых» театра, о том, что отличает его от любого другого вида искусства. Это общение, непосредственное, сиюминутное, с живой человеческой личностью, которая радуется, гневается, плачет, смеется — именно сейчас, рядом, в ощутимой близости, пусть даже герой пьесы — из другого века, из далекой страны.

И, может, особенно понимаешь великую роль актера в театре, когда встречаешься с его большими мастерами.

В последнее время бакинцам повезло. Недавно в спектакле русского драматического театра «Мария Стюарт» выступила народная артистка СССР А. О. Степанова, а теперь на той же сцене в «Тяжком обвинении» играют еще три мхатовца, из плеяды ветеранов замечательного русского театра. 43 года в МХАТе — народный артист СССР А. Н. Грибов, 34 — народный артист СССР М. П. Болдуман, более 30 лет — народная артистка РСФСР А. П. Георгиевская. Десятки лет сценической жизни, множество ролей классического и советского репертуара, вошедших в летопись нашего искусства... «Тяжкое обвинение» — сравнительно недавняя работа артистов.

Я не стану пересказывать ни пьесы Л. Шейнина, ни спектакля театра имени С. Вургуня: о них в свое время подробно писалось. Скажу лишь о гостях.

Во-первых, о Болдумане, играющем секретаря ЦК одной из среднеазиатских республик. Кому-то эта роль в пьесе покажется монотонной, психологически незаглубленной. Артист же сумел увидеть в своем герое самое главное — страстность коммуниста, не знающего компромисса в отстаивании справедливости, в утверждении доверия к людям.

Перед нами человек нелегкой судьбы, прошедший долгий, в чем-то суровый путь, обретавший мудрость жизни не по книгам и рассказам. И мудрость эта — не результат «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»; это университет борца, считающего себя в ответе за все. Нет, никакой биографии героя пьесы не дает, а вот Болдуман раскрывает нам предысторию образа, как бы самые истоки характера Сергея Ивановича. Не спорю на решение секретаря, он всегда словно раздумывает про себя и говорит поэтому скупое, неторопливое. Но за размеренной, спокойной речью — постоянное напряжение. Все в нем протестует против того, что Логинов может оказаться провокаторм, он не хочет согласиться с этим не только ради Логинова, но и ради самого себя, ради своей веры в человека. И вот это напряжение взрывается, и тогда он го-

ворит резко, быстро, даже кричит, даже может оскорбить. Такая контрастность красок порой кажется нарочитой. Но это, если не следить внимательно за артистом, не видеть в нем подавляемого, но все нарастающего волнения, не различить в этом умеющем властвовать собой человеке (положение обязывает) недюжинный темперамент.

Очень ценно в работе М. Болдумана то, что он создает образ человека простого и вместе внушительного, в котором сразу ощущаешь внутреннюю силу, уверенность, убежденность, что-то очень надежное, очень стоящее, очень верное. У этой в общем скупой роли тонкая и многообразная нюансировка. И графически четкая — можно прочесть каждое движение души героя, каждый оттенок мысли, хотя артист весь предельно собран и часто лишь слушает, молчит, как бы уйдя в себя.

Георгиевская и Грибов исполняют роли другого плана — острохарактерные. Мать Соломонида — «осколок империи», как «величают» ее в пьесе, сыграна артисткой блестяще. Ее игрой буквально упираешься — каждой модуляцией голоса, каждым взглядом, поворотом головы, движением рук в выдавших виды перчатках... Сколько здесь оттенков!

То перед нами елейная, напоминающая классических приживалок бабка, давно позабывшая о былом могуществе и примирившаяся с новой властью и своей скромной долей, то злая на язык, хитрющая старуха, не упускающая случая поддеть «нынешних», а то проглотит и настоящая Соломонида — ничего не позабывшая игуменья, — и сверкнув негасимой ненавистью глаза, и торжествующе злорадно зазвучат «обличения». Но такая Соломонида лишь покажется, да спрячется за своей привычной маской: чего уж там, знает настоящая: карта ее бита.

А вот герой Грибова — кладбищенский сторож Приходько и в самом деле неплохо прижился при Советской власти. Этот не дурак поест и выпить могучий толстак находит и теперь свои эпикурейские радости. Хотя доходы кладбищенского сторожа никак не сравнятся с доходами купца второй гильдии, жить можно, благо деньги, получаемые нередко «на чай», он тратит на водку.

Но в том-то и мастерство Грибова, что, не раскрывая в роли определенного второго плана, он вместе с тем придает образу особую, я бы сказала, грибовскую многозначительность. Будто и прост — весь как на ладони — Приходько, а нет, в конце концов, так и не поймешь, что он за человек, что таит в себе. Хорошо найден Грибовым внешний портрет героя — сразу видать и его характер, и принадлежность к старому миру, и не утраченную в новые времена патриархальность. В этом образе очень плотно соединено социальное и индивидуальное, а именно в этом одна из самых ценных традиций мхатовского искусства.

Наверное, многим, кто побывал в эти дни на спектаклях, жаль, что встреча с мхатовцами исчислялась минутами: ведь Грибов и Георгиевская играли лишь эпизоды. Но будем благодарны гостям бакинской сцены — иные минуты стоят часов.

Р. РАЕВА.